

Фантазии и Антиутопии

рассказы

18+

Георгий Алексеевич Серов

Георгий Серов

Фантазии и антиутопии

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Серов Г. А.

Фантазии и антиутопии / Г. А. Серов — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

В сборнике представлены: фантазия на тему, что было бы, если б Достоевский вдруг оказался среди нас; антиутопия на тему обустройства системы наказаний; фантазия на тему бунта, бессмысленного и беспощадного, одного, отдельно взятого индивидуума по имени Витя.

Содержание

Идиот (не Достоевский).	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Идиот (не Достоевский).

Фёдор Михайлович проснулся сегодня пораньше – ему не терпелось получить от редактора аванс за свой новый роман «Преступление и наказание», тем более, что достаточно давно жил он со своей семьёй не то чтобы за гранью бедности, но, скажем так, покрепче затянув пояса, а если проще, то бедствуя неукротимо.

Виной тому, в основном, была жёсткая, даже жестокая, если можно так выразиться, конкурентная борьба за место под солнцем среди писательской братии.

Наскоро поев чем Бог послал (а Бог послал немного), Фёдор Михайлович оделся по-осеннему и направился на Лиговский в редакцию «Нового слова».

Он вынуждён был выждать в приёмной главного редактора часа три, в течение которых аппетитного вида секретарша вводила во искушение заробевшего Фёдора Михайловича, томным голосом отвечая на входящие звонки и ещё более томным голосом отвечая на пожелания главреда.

– Да, Иуда Эукариотович... Да, конечно. Сейчас будет кофэ. Уже бегу. На мне?... Да, красное... То, что вы любите. – Ответила она после того, как попросила Фёдора Михайловича присесть и подождать «вон в том кресле».

Фёдор Михайлович присел на обширное кожаное кресло и, проводив глазами вихлявшую бёдрами секретаршу с выражением обычной тоски мужика, у которого «денег точно не хватит», принялся терпеливо ждать.

Жена его, Анна Григорьевна, решительно отказала ему накануне в интимной близости, сообщив вдобавок к этому, что без денег завтра он может домой не приходиться. Происхождение денег, подлежащих внесению в семейный бюджет, её абсолютно не волновало. По её словам, заработать деньги он мог, помимо «бумагомарательства своего бестолкового», также и на разгрузке вагонов на Московском вокзале, да и в любом другом месте по его выбору.

Обуреваемый размышлениями о перспективах своего бытия в случае, если главред откажет ему в выдаче аванса, Фёдор Михайлович попеременно то вскидывал руки к голове, то цокал языком и с досадой кивал головой.

В приёмную, подобный ветру, вбежал какой-то модно одетый господин, лицо которого показалось Фёдору Михайловичу неуловимо знакомым. Достоевский долго и мучительно пытался припомнить, где же он видел сего господина, как вдруг воспоминание молнией пронзило его мозг.

Ну конечно, – это был раскрученный писатель Фаддей Мортыхандрович Долевский. Его густо нагримированное лицо часто показывалось в «дьявольском ящике», изрыгающем понос речений на несчастные уши семьи Достоевских, когда по настоянию детишек Фёдор Михайлович гасил долг за кабельное ТВ с какой-нибудь шабашки в виде написания статей на исторические темы (например, о жизни и нравах Петербурга середины 19 столетия. Читателей, в основном, правда, интересовала безнравственность Петербурга, поэтому бедному Фёдору Михайловичу приходилось, скрепя сердце, описывать всякую дрянь, дабы пробиться в печать и получить хоть какой-то гонорар).

Вернемся к Долевскому, ибо он прервал горестные рассуждения Фёдора Михайловича своим бодрим: «Главред у себя?»; а когда наш герой ответил ему на тот счёт, что, мол, секретарша «уже минут двадцать как с кофеином изволили зайти-с», хитро подмигнул ему и с размаху плюхнулся на обширный кожаный диван, стоявший поближе к двери кабинета редактора.

Минут через пять из кабинета выплыла томная секретарша, поправляя сбившуюся причёску. Заметив Долевского, она улыбнулась ему, словно старому знакомому, и шёпотом сказала, глядя на него: «Ждёт. Давай, заходи!».

Слабые попытки Фёдора Михайловича возразить по поводу такой несправедливости (почему он, а не я?), были на корню пресечены резко изменившейся в лице секретаршей, полоснувшей лезвием слов: «Ждите, вас пригласят».

Что творилось в кабинете главреда в течение часа нам не известно, однако поэт гламура выпорхнул оттуда, светясь, словно летнее солнце, и, чмокнув на прощание секретаршу, выскочил из приёмной. На Фёдора Михайловича, сидевшего в своём поношенном костюме в углу приёмной, Фаддей даже и не посмотрел.

Достоевский кашлем обратил внимание на уставившуюся на экран своей бесовской машины секретарши, которая словно забыла о его существовании.

– Кхмм.

– Да?

– Милая мадемуазель, нельзя ли каким-то образом ускорить процесс?... Процесс прохождения через двери в кабинет редактора.

Вскинув, подобно Марии Магдалине на картине Тициана, свои воловьи очи, размер которых увеличивался диоптриями линз, секретарша выдохнула тяжело: «Сейчас»; и набрала телефон шефа.

– Иуда Эукариотович, тут вас некий Достоевский с утра дожидается... Что?... Что на мне? Да... В красном, в красном, которое вам нравится... Вы же сами недавно видели... Что? Хорошо, сейчас зайду.

Секретарша положила трубку, поднялась со своего кресла на колёсиках и, одёрнув юбку, направилась в кабинет главреда. Бросив Фёдору Михайловичу на ходу: «Ожидайте»; она скрылась за тяжёлой дубовой дверью.

– Нет, это уже ни в какие рамки! – Возмущаясь, думал про себя Достоевский. – Сколько же можно меня здесь держать?

Врождённая стеснительность, однако, не позволяла нашему герою предпринимать более решительных действий. Некое шестое чувство подсказывало ему, что если он попытается проникнуть без приглашения в кабинет главреда, то он вторгнется в чужую тайну и, соответственно, совершенно определённо никакого аванса не увидит, как и перспективы печататься в данном издательстве.

Минут через пятнадцать его тяжкие раздумья были прерваны – произошло чудо и из кабинета Иуды Эукариотовича выплыла, поправляя сбившиеся очки и растрепавшуюся причёску секретарша.

Она проследовала к своему столу, затем тихо и мечтательно произнесла:

– Можете войти.

Фёдор Михайлович вскочил, обрадованный, и подбежал к кабинету главреда, после чего тихонько постучался в дверь. Не услышав приглашения войти, он беспомощно посмотрел на секретаршу. Та, глянув на него блестящими от искорок веселья глазами, сказала:

– Проходите, проходите, не стесняйтесь! Шеф в хорошем настроении.

Он, глубоко вдохнув, открыл тяжёлую дубовую дверь и обнаружил, что за ней находится ещё одна дверь.

– Так вот почему редактор не услышал, как я стучусь! – Понял он.

Достоевский постучался в следующую дверь и услышав наконец-то долгожданное: «Да-да, войдите»; приоткрыл вторую дверь. Бочком протиснувшись сквозь неё, он, будучи ослеплён обстановкой кабинета, просеменил к столу главреда.

– А-а, Фёдор Степанович! – С напускной вежливостью сказал главред. Проходите, пожалуйста, присаживайтесь.

– Михайлович. – Поправил его Фёдор Михайлович.

– Михайлович. Да. Фёдор. – Без тени смущения произнёс Иуда Эукариотович – худощавый лысеющий мужчина, с водруженными на переносицу прямоугольными очками.

Достоевский долго не решался выбрать какой бы то ни было стул. Покрутившись вокруг наиболее понравившихся ему двух стульев, он всё же выбрал один из них и неловко сел на краешек.

– Ну что ж, Фёдор Николаевич. – С места в карьер начал главред, доставая из ящика своего стола объёмистую рукопись «Преступления и наказания». – Да уж, пришлось нашему редакторскому отделу попотеть над вашей рукописью! Пока, понимаешь, разобрали ваши каракули. Простите, конечно, но вы не пытались приобщиться к компьютеру, работе с текстовыми редакторами?

– Э-э-э. Кхм. – Фёдор Михайлович не знал, что сказать. – Разумеется пытался, но всё ж, голубчик, не по мне всё это. Уж больно тяжело даётся грамота компьютерная. Не получается. Да и денег нет, компьютеры эти бесовские покупать.

– Ладно, ладно. – Примирительно сказал главред. – Но вы бы, всё-таки, наняли наборщика текстов. Берут они сейчас копейки – конкуренция бешеная. Это бы значительно ускорило процесс вычитывания и правки первоначального текста. Да и не ходили бы сейчас, не обивали бы пороги. Представляете, сидя дома отправляете нам по электронной почте свой роман и ждёте. Год-два – не больше!

– Да, да. – Согласно закивал головой Достоевский. – Но мне бы, знаете, аванс для начала, чтобы, так сказать, имелась возможность кого-то нанимать.

Главред приподнял очки, нацепленные на переносицу, и серьёзно посмотрел на Фёдора Михайловича.

– Тут, Константин Михайлович, загвоздка одна есть. – Сказал он задумчиво.

– Какая такая загвоздка? – Внутри у нашего героя всё похолодело.

– Видите ли, то, что вы излагаете на пятистах страницах убористым почерком, можно уложить максимум в двадцать страниц. История вашего главного героя... э-э-э, Раскольников, кажется, вообще никого не способна взволновать. Нет интриги, загадки какой-то, что ли.

– Но это же психологический отчёт преступления... – Начал было Фёдор Михайлович.

– Дослушайте меня, пожалуйста. Я же вас не перебиваю. – В голосе главреда послышались стальные нотки. – Всё у вас на поверхности: Раскольников пошёл, убил процентщицу, убрал лишнего свидетеля, а потом, можно сказать, залёг на дно, но, не выдержав мук совести, сдался полиции, после чего отправился на каторгу, где духовно преобразился. Надо вам сказать, что роман вам лучше назвать «Идиот». Именно так и будут его называть читатели, хохоча до слёз... В том, конечно, случае, если дочитают, не заснув, до сцены, когда он явился с повинной к следователю.

– Почему же «Идиот»? – Поинтересовался ошарашенно Фёдор Михайлович.

– Да потому, что некие угрызения совести, о которых вы повествуете чуть ли не на двадцати страницах, сейчас не в тренде.

– В тренде? – Переспросил Достоевский.

– Да, в тренде, тот есть, в смысле, не в тренде. То есть не модно, не актуально сейчас, понимаете?

– А что, должна быть мода на совесть?

– Вы меня не совсем правильно поняли. Это в девятнадцатом веке человек мог надолго оставаться со своими мыслями, читать книги. Вы же не хуже меня знаете, сколько всяких мыслей приходит во время чтения.

– Да уж. – Забегав глазами, произнёс Достоевский неохотно.

– А сейчас чуть ли не каждые три минуты новая эпоха начинается. Человек может даже и не вспомнить, что он три дня назад кого-нибудь убил или ограбил. И только правоохранители могут ему напомнить, что он сделал что-то не так в своей жизни. – Главред грустно усмехнулся. – Да и то, ведь, человек до последнего будет утверждать, что он ничего такого не помнит.

– То, о чём вы рассказываете, ужасно! – Схватился за голову Фёдор Михайлович.

Иуда Эукариотович встал из-за стола и начал медленно похаживать вдоль него, вещая менторским тоном втянувшему голову в плечи Фёдору Михайловичу:

– Потом, что за орудие для убийства такое – топор! Фу, как грубо, как топорно, если можно так выразиться! Вам бы надо ввести в качестве орудия убийства пистолет. Подойдёт «ТТ» или «ПМ» с глушителем.

– Но ведь Раскольников – нищ и гол. Где он, по вашему мнению, возьмёт пистолет? На какие деньги он сможет его приобрести? А с учётом того, что, насколько мне известно, пистолетов в свободной продаже не бывает, потратиться ему пришлось бы весьма основательно!

– Ну-у, это читателя волнует в последнюю очередь. Главное – эффективность сцены. Я прямо-таки вижу перед глазами картинку, как Раскольников, воспользовавшись отсутствием внимания старухи-процентщицы, привинчивает глушитель к своему «ПМ'у». Можно описать, как у него трясутся руки, как он долго не может попасть в резьбу, как, увидев, что процентщица в какой-то момент начала смотреть на него в упор, приставляет дуло к её переносице и вышибает мозги, растекающиеся по старому, с облупленным лаком комоду беловатой кашицей на кроваво-алом фоне.

Фёдор Михайлович почувствовал, как остатки непереваренной пищи запросились наружу. Едва сдержав рвотный позыв, он попросил у главреда разрешения выпить воды из кулера, стоявшего в углу его обширного кабинета.

Пока Достоевский с жадностью пил воду, пытаясь забыть обрисованную ему Иудой Эукариотовичем картинку, тот продолжал:

– Ладно, топор можете оставить, чёрт с ним! Но я не заметил в вашей книге ни одной, хоть сколь-нибудь вразумительной эротической сцены. Между тем, у вас имелась прекрасная возможность не единожды свести Раскольникова с Мармеладовой в, скажем так, едином порыве страсти. Да и вообще, следователь у вас – ну просто какой-то сухарь. С ним тоже можно было бы что-нибудь этакое придумать. Поход по значным местам Санкт-Петербурга, например.

Причём, знаете, не просто надо привести какие-то эротические сцены – это уже набило оскомину!

Сейчас более актуально другое, в частности, эротический нуар. То есть недостаточно описания бесчисленных копуляций между главными и второстепенными героями в различных положениях и в самых разных жизненных обстоятельствах. Нужен ещё элемент ужасов. Например, у главного или, по крайней мере, какого-нибудь второстепенного героя останавливается сердце от посткоитальной неги или...

– Не хочу слышать боле. – Зажав уши жестом отчаяния и зажмурив глаза выдавил из себя Фёдор Михайлович.

– Фу ты, Боже, какие мы нежные. – Засмеялся главред, садясь в своё кресло и откидываясь на его спинку.

Пока Достоевский приходил в себя, Иуда Эукариотович успел позвонить домой, проинструктировав домочадцев, во сколько надо начинать собираться на самолёт, отлетающий на Бали, а также распорядиться относительно двух чашечек кофе для него и для «Алексея Михайловича».

Минут через пять Фёдор Михайлович, придя в себя, поднял голову и, вытерев слёзы, наворачившиеся у него на глазах, сказал:

– Я переделывать свой роман не буду. Никакие похабные сцены вставлять не буду, орудие преступления менять не буду. Интриги всякие ваши закручивать я не намерен! В романе речь идёт совсем о другом. В нём...

– Ну хорошо, хорошо. – Перебил его главред, отхлёбывая кофе из своей чашечки и провояжая взглядом ягодицы своей секретарши, принесшей кофе и удаляющейся теперь в приёмную.

– Я могу вас понять, – Иуда Эукариотович скользнул взглядом по измождённому бородавтому лицу писателя, – вы, судя по вашему возрасту, воспитывались ещё при советском строе, а в СССР секса, как известно, не было. Ладно, можете не описывать, как главные герои спариваются и всякое такое.

Он вновь приложился к чашечке с горячим чёрным кофе и, поинтересовавшись для проформы, почему «Сергей Михайлович» не пьёт свой кофе, продолжил:

– Однако настоятельно порекомендовал бы вам вставить в качестве отдельной линии в роман столь модную сейчас тему пандемии какой-нибудь ужасной бессимптомной болезни, например, атипичной пневмонии или коронавируса, на худой конец.

– А это что за чертовщина такая? – Спросил, ужаснувшись, Фёдор Михайлович.

– Да вы, батенька, совсем, что ли, от жизни отстали? Ей-богу, вы напоминаете мне какого-нибудь Перельмана, который сидит в своей квартире, запершись, и выходит только до ближайшего магазина.

– Э-эй, китайцы, коронавирус. – Он пощёлкал пальцами, размахивая рукой перед лицом Достоевского. – Болезнь, пандемия, люди мрут как мухи.

– Говоря по чести, не слышал, – пробормотал Фёдор Михайлович, – я телевизор особо стараюсь не смотреть. Да он у меня и отключен почти всё время – денег нет за кабельное телевидение заплатить.

Словно не слушая его, главред, взор которого загорелся дьявольским огнём, продолжил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.